

У Ши Чанъюня дрожали губы.

Пейзаж перед другими, на данный момент перед Цяо Цзинь, было всего несколько незначительных человеческих существ.

Лоис не могла понять их слова, но она инстинктивно почувствовала опасность, и пара глаз показала водянистые волны, по-видимому, вот-вот упадут в слезы.

Фердинанд был немного жестковат в этот момент: "Что это значит, решетка жизнеобеспечения?"

Лицо Ши Канъюна еще больше затвердело.

В своей жизни он больше всего боялся того, что его собственный сын узнает об этом.

Может, он и не поймет, но он всегда поймет.

Он думал, что эта материя будет скрыта в прошлом всю оставшуюся жизнь, но сейчас она все еще расчленена голыми руками.

Когда он получил известие, что мальчик из семьи Сонг не умер, он знал, что что-то не так.

Но Берни больше не мог держать его в себе, они не могли сделать больше, но в итоге они превратили его в крупную катастрофу.

Он должен был сделать это раньше, убить его раньше, и не оставлять его в живых до двадцати пяти, чего бы вообще не случилось.

Фердинанд собирался стать лучшим мальчиком в своей жизни!

Думая об этом, в его глазах появились следы яростного раскаяния, он разозлился на себя за то, что не сделал этого очень рано.

Ши Чанъюнь не объяснил, Цяо Цзинь посмотрел на Фердинанда и, не колеблясь, прямо сказал: "Разве твой отец не говорил тебе, что удача, которой ты обладаешь, ум и все преимущества, которыми ты обладаешь, были взяты у другого человека?"

Она провела пальцами по Токчан Ван и увидела некоторые воспоминания.

"Ты родился слабым, Лоис была ранена, когда родила тебя, ты должен был умереть рано, твои родители не могли вынести твоей смерти, поэтому они забрали чью-то жизнь, тебе повезло, что

ты столкнулся с таким глупым Мастером Формирования, который сделал это для тебя".

Ее губы показывали намек на улыбку, глядя на Ши Чанъюнь: "Ты положился на женщину в прошлой жизни, а на сына во второй половине жизни, сколько ты получил, ты всегда должен расплатиться, ты прожил пятьдесят лет, ты даже не понимаешь эту правду?".

У Ши Канъюна были багряные глаза: "Ты..."

Он ненавидел только то, что ему об этом говорят!

По сравнению с дезориентацией Ши Чанъюня, Фердинанду было еще труднее принять, как будто он слышал Аравийские ночи, на самом деле он был в ярости и смеялся: "О чем ты говоришь? Как может быть так невероятно, что все, что ты говоришь обо мне, принадлежит кому-то другому, ты понимаешь, о чем говоришь? Это 21 век!"

Цяо Цзинь только взглянул на него: "Мне нужно, чтобы ты это сказал?"

Она сделала два шага назад и посмотрела на Ши Чанъюня: "Я не собираюсь в это ввязываться, это должно закончиться с того места, откуда это началось, тебе не кажется?".

После того, как она сказала это, снаружи был дверной звонок.

Никто не открыл дверь.

Но дверь с тех пор открылась.

Не было никакого звука, чтоб карта промахнулась, то есть дверь в комнату открылась автоматически.

Как ясный ветерок и яркая луна, как человек в черном плаще, одетый в звезду, с каким-то ветром и пылью, но брови и глаза все украшены увлекательной нежностью.

Когда он вошел, то увидел ситуацию в доме, а затем, взглянув на Цяо Цзинь, нежно улыбнулся: "Ты боишься, что они убегут? Не волнуйся, побега не будет".

Цяо Цзинь только кивнул головой и встал в сторону: "Мне нечего делать".

В тот момент, когда Ши Цанъюнь увидел появление Сун Яньцина, его зрачки уменьшились.

Сун Яньцин вошел в дом, очевидно, такой нежный человек, но с атмосферой, которая была гнетущей и удушающей, он только слегка подметал взгляд на Ши Цанъюнь, намек на нежную

улыбку в углу его губ, но заставил Ши Цанъюня почувствовать, что самый отчаянный кошмар вот-вот начнется.

<http://tl.rulate.ru/book/41787/1089876>